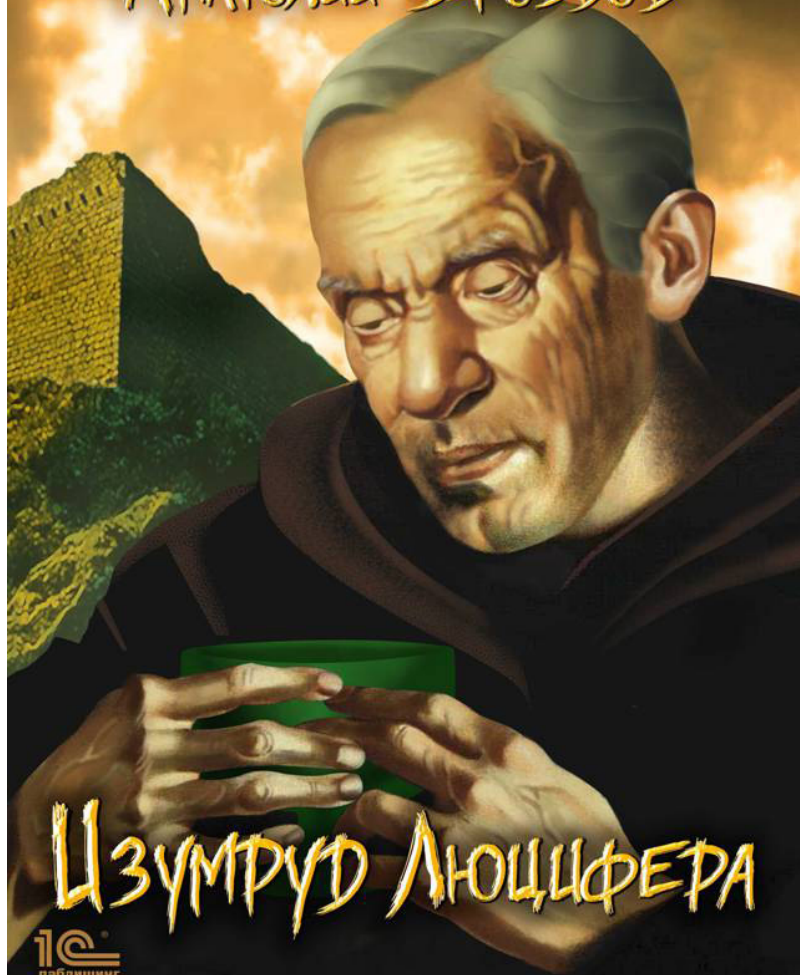

АНАТОЛІЙ ДРОЗДОВ

ЦЗУМРУД ЛЮЦИФЕРА

Анатолий Федорович Дроздов

Изумруд Люцифера

Серия «Изумруд Люцифера», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30790495
Изумруд Люцифера: Strelbytskyy Multimedia Publishing;

Аннотация

Анатолий Дроздов – популярный в России и Беларуси писатель-фантаст, известный по произведениям в жанре «попаданчества» и альтернативной истории.

Журналистка Маргарита Голуб работает в бульварной газете. Она наловчилась добывать сведения методами, далёкими от морально оправданных. Охота за очередной сенсацией сводит её с коллегой – редактором Кузьмой Телюком. Маргарита и не подозревает, что Кузьма – человек вовсе не такой ординарный, каким кажется поначалу. Он потомок древнейшего рода, судьба которого неразрывно связана со знаменитой и вожделенной для многих реликвией христианства. Телюк наделён необычайными способностями, он непостижим и непредсказуем. Журналистка оказывается втянута в цепь загадочных, более того, мистических событий, ей приходится спасаться бегством, чтобы сохранить свою жизнь. Вместе с нею бежит и Кузьма: враги охотятся на них обоих. Беглецам нужно пересечь континент и доставить

таинственную реликвию туда, где её ждут. Удастся ли героям избежать смертельной опасности, осуществится ли их план? И как сложатся дальнейшие отношения Маргариты и Кузьмы? Она влюблена в своего коллегу, но Кузьма несвободен...

Содержание

Часть первая. Костер	5
Пролог	5
1	13
2	27
3	48
4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анатолий Дроздов

Изумруд Люцифера

Часть первая. Костер

Пролог

Человек в черной куртке и такой же вязаной шапочке, на-
двинутой по самые глаза, быстро шел по тропинке, петляв-
шей между елей и осин. В примолкшем лесу было сыро и ти-
хо, только палая листва шуршала под тяжелыми ботинками
путника, да время от времени потрескивала попавшая под
толстую подошву сухая веточка. Человек, в эту осеннюю по-
ру забравшийся в лес, был молод и силен, но шагал тяжело.
Большая длинная сумка, ручки которой он, словно лямки
рюкзака, накинул на плечи, тянула его к земле. Путник тя-
жело дышал, выбрасывая из широко открытого рта облачка
пара и жадно втягивая обратно холодный воздух с запахом
прелой листвы и хвои.

Тропинка, обогнув кучу молодых елочек, устремилась
вверх, и, взобравшись на небольшой холм, человек обесси-
ленно рухнул на землю. Он даже не стал стаскивать глубоко
врезавшиеся в ткань куртки лямки-ручки, просто лежал на

боку и хрипел, широко открыв рот.

Сколько он так пролежал, путник не знал, но, судя по всему, немало. Когда он пришел в себя, в лесу уже начало темнеть. Затем воздух словно бы загустел, и лицо незнакомца стало влажным. Он провел рукой по щеке и глянул вверх. Над вершинами деревьев тяжелая дымная туча затягивала последние светлые участки неба.

«Дождь, будет дождь! – обрадовался путник. – Собаки не возьмут след!»

Он рывками стащил сначала с одного, а затем с другого плеча лямки-ручки и вскочил на ноги. И, словно подчиняясь его желанию, в лесу тихо зашуршал дождь. Незнакомец расправил затекшие плечи, поднял сумку и тут же со вздохом бросил ее обратно.

«С ней не выбраться, – подумал он и пнул сумку носком ботинка, – килограммов тридцать, а пилить еще несколько километров», – путник присел на брошенную сумку и закрыл лицо ладонями. Все пошло не так. Совсем не так. Он полгода ждал этот рейс и, в конце концов, дождался... Старшим определили Митькова, но этого и следовало ожидать: никто не поставит начальником группы инкассаторов молодого бойца с годичным стажем сопровождения. Они с Ходорцовым оказались в блиндированном фургоне грузовика, рядом с сумкой. Он не знал, сколько там (инкассаторам никогда не говорят этого), но из рассказов ребят следовало, что на таких рейсах меньше полутора миллионов долларов

не бывает. Поэтому и посылают блиндированный грузовик и четырех вооруженных сопровождающих. И один из них – Коля Пинчук, закадычный дворовый дружок, который и привел его в инкассаторскую команду банка. Господи, если бы это был не Коля!

Вначале все шло по плану. Дорогой он напряженно смотрел в маленькое бронестекло единственного окошка фургона и, когда впереди показался лес, достал пистолет и выстрелил в грудь Ходорцова. Тот и понять ничего не успел – ничком сунулся со скамьи на стальной пол фургона и, вздрогнув несколько раз, тихо вытянулся. А он, дождавшись, когда грузовик въедет в лес, снял переговорное устройство.

– Потерпеть не можешь! – заругался на него Митьков. – Через час будем в городе!

– Петрович! – жалобно заныл он, и страх, что машина не остановится, придал его голосу подлинное чувство. – Надеваю тут на полу, ребята потом прохода не дадут. Останови...

Митьков трехэтажно выругался, и грузовик стал замедлять ход.

Он подождал, когда стальная дверца со скрипом распахнется, и выстрелил в показавшуюся в проеме фигуру. Но Митьков оказался травленным зверем и, даже раненный в плечо, отскочил в сторону и нырнул в кювет. Гнаться за ним было не с руки, и он рванулся к кабине. К счастью, Митьков не захлопнул за собой дверь, и, влетев внутрь, он сунул ствол прямо в изумленное лицо Коли. Изумление сменил страх,

лицо друга побелело, и он понял, что не сможет выстрелить в того.

– Вон пошел! – рывкнул он, и Коля, мгновенно включив натренированные в десанте рефлексy, кубарем вывалился наружу. Он перескочил на сиденье водителя, захлопнул дверцу и выжал сцепление. Мотор Коля, как и полагалось по инструкции, не глушил.

Тяжелый грузовик медленно тронулся с обочины, и в зеркало бокового вида он увидел, как из кювета выбирается Митьков, к нему бежит очумевший от происшедшего Коля, а Митьков что-то кричит, показывая здоровой рукой на машину. Коля рывком вытаскивает из кобуры пистолет и, присев, как на занятиях в тире, ведет огонь.

Красе и гордости десанта удалось попасть. Он не проехал и километра, как вдруг машину повело влево; он изо всех сил держал руль, пока, наконец, не показался лесной проселок. Свернув туда, он с трудом заставил машину протаскаться еще немного – нельзя было, чтобы грузовик заметили с шоссе. Выпрыгнув из кабины, он не увидел на переднем колесе шины – один стальной диск, по ось въевшийся в лесной песок. Заменить тяжеленное колесо в одиночку не представлялось возможным, к тому же времени было в обрез.

От тряски на ухабах сумка с деньгами едва не выпала в незакрытую дверь, да помешало тело Ходорцова – она зацепилась за ноги. Освободив ручки сумки, он двумя рывками забросил ее за плечи и двинулся обратно к шоссе. Готовясь к

делу, он внимательно изучил карту. Там, куда вел проселок, лес тянулся на десятки километров, так что быстро выйти на нужную дорогу ему бы не удалось. Кроме того, он заметил на мягкой земле проселка свежий след протектора легковой машины – кто-то проехал здесь совсем недавно. Это несло в себе опасность, но могло и помочь. Пусть думают, что его здесь ждали, а что он вернулся к шоссе, перешел дорогу и двинулся в противоположном направлении, надо еще догадаться или пустить по следу собак.

Собаки будут, он не сомневался. Проклятая дворовая дружба, совместные походы к девочкам, ночевки друг у друга, не разлей вода компания... После того, как он выстрелил в Ходорцова, все это уже не имело значения. Надо было стрелять и в старого друга. Он-то выстрелил, не пожалел...

Путник, одиноко застывший на сумке в лесу, застонал и выпрямился. Надо было идти, и он, рывком расстегнув молнию на сумке, вытащил первый попавшийся брезентовый мешок со стальным замком, взвесил его в руке и со вздохом сунул за пазуху. Затем, застегнув сумку, потащил ее в чашу...

* * *

Небольшая группа пожилых людей с сумками в руках и на тележках топталась у края асфальтированного полотна, прорезавшего лес, поджидая опаздывавший автобус. Идти пеш-

ком к станции никому не хотелось: пять километров да еще с грузом – многим и не по силам.

Пантелеевна заметила молодого человека, вынырнувшего из в сгустившихся сумерек леса. Высокий, плечистый парень, подойдя ближе, поздоровался со всеми и радостно улыбнулся Пантелеевне.

– Опаздывает транспорт?

– Да чтоб ему! – в сердцах выругалась Пантелеевна. – И ничего не сделаешь – частник! В прошлое время попробовал бы опоздать!

– В прошлое время ты бы давно топала к станции! – возразил щуплый старичок, видимо не разделявший политических взглядов соседки. – Тогда вообще никаких автобусов не было!

– Завод давал – забыли? – сказал кто-то из толпы. – Пусть по выходным, но все-таки...

Люди оживленно загалдели, но незнакомец не стал участвовать в завязавшемся споре. Он вновь дружелюбно улыбнулся Пантелеевне, и та машинально отметила правильные черты его красивого молодого лица. Кожа парня была чистой, гладкой, только маленькая, неправильной формы родинка чернела под левым глазом. Если бы позже Пантелеевну допросил следователь, она бы обязательно вспомнила эту родинку и, конечно, поахала бы запоздало, пугаясь случая, который свел ее с этим меченым.

Перепалка на остановке прекратилась так же внезапно,

как и вспыхнула: подошел долгожданный автобус. Незнакомец помог Пантелеевне втащить в салон тележку с сумкой, сел рядом. Водитель объявил стоимость проезда, старики стали возмущаться, но скоро смирились – никому не хотелось топтать пешком. Незнакомец заплатил за проезд и обернулся к Пантелеевне:

– Красивый здесь лес. Жаль, если срубят.

– Никто его не срубит, – отозвалась Пантелеевна, – это же заповедник.

– Замечательно! – обрадовался незнакомец и тут же удивился: – А почему в заповеднике дачи?

– Начальству большому хотелось устроиться. Одним нельзя – люди шуметь бы стали, вот и выбили – якобы для всех. Так что повезло, – с удовольствием пояснила Пантелеевна и тут же пожаловалась: – Только далеко от города. Им-то хорошо – машины есть. А нам... – и спросила с любопытством: – Вы ведь не с дач?

– В гости приезжал, – пояснил незнакомец, – погуляли! – он с наслаждением потянулся и закрыл глаза.

«Вам только гулять, – ворчливо подумала Пантелеевна и, скользнув взглядом по фигуре соседа, отметила оттопырившуюся на его животе куртку. – Молодой еще совсем, а уже...»

На станции незнакомец помог Пантелеевне выбраться наружу и быстро исчез. Поскольку, как уже отмечалось, никто Пантелеевну о незнакомце не расспросил, то она вскоре за-

была о нем. А спустя несколько лет и вспоминать стало некому: старушка, искренне молившаяся в церкви о ниспослании кончины мирной и непостыдной, была, наконец, услышана тем, к кому обращаются с такими просьбами...

1

На повороте Рита резко свернула влево (зеленый глазок светофора уже нервно мигал), и «альфу» сразу занесло. Не успев еще осознать происшедшее, она мгновенно выровняла машину. Холодный пот прошиб ее позже.

«Не надо было ехать сегодня, – подсадовала Рита, стараясь как можно более плавно давить на педаль газа, – мороз и гололед обещали еще с вечера. Хорошо, сработал автопилот...»

Однако дальше «альфа» уверенно покатила по посыпанному песком асфальту (на повороте его, видимо, счесали с дороги жесткие шины), и Рита успокоилась. Подумаешь – гололед! Отчасти это и лучше: из-за него машин на улицах куда меньше.

Первой машиной Риты был старенький «гольф»: на лучшую не хватило денег, да и покупать дорогую было боязно. Инструктор автошколы, где она проходила ускоренный курс обучения, только горько вздыхал, когда она садилась за руль добитого учебного «ваза». Рита путала педали, тормозила ударом стопы, и не раз только мгновенная реакция инструктора спасала их от аварии. Однажды, когда она в очередной раз включила сигнал поворота, просунув руку сквозь баранку, он посоветовал:

– Вы бы лучше ногой!

Недолго думая, Рита сняла ногу с педали газа и изящно воткнула ее в баранку. Она была в короткой, но широкой юбке, и когда прямо перед глазами инструктора возникло точечное бедро в прозрачном чулке с кружевной резинкой, плавно переходящей в такие же кружевные трусики, он поперхнулся и умолк надолго.

Инструктор был уверен, что сдавать экзамен по вождению в ГАИ Рита будет всю ближайшую пятилетку, но ошибся. Кружевная резинка в паре с трусиками, что предстали перед его взором совершенно случайно, давно были показаны кому нужно и вполне осознанно, поэтому экзамены она сдала сразу и без проблем. Что, однако, не гарантировало отсутствие проблем на дорогах. Поэтому и был выбран «гольф».

Спустя полгода, когда Рита катила по шоссе на дачу к друзьям, ее со свистом обогнал стремительный ярко-красный силуэт, почти мгновенно растаявший вдали. Впечатление было такое, что сама она не ехала, а стояла на дороге.

Через месяц Рита нашла такую же алуку «альфу». Просили за нее не слишком много: редкая марка с тесноватым салоном, маленьким багажником и мощным мотором считалась пижонской. Но все же Рите, чтобы собрать нужную сумму, пришлось прогнуться. Паша Громов, владелец и главный редактор «Оппозиционной газеты», в кредите отказал. За «гольф» она выручила копейки. Пришлось просить у отца. Он-то для единственной доченьки, которую взрастил без матери (убежала матушка с другим дяденькой, когда дочень-

ка даже в школу не ходила), ничего не жалел. Но залезать в его пенсионные сбережения было стыдно, а чтобы стыд глаза не ел, следовало зарабатывать больше.

Паша Громов хорошо платил за сенсации, а она по собственному опыту знала: они не лежат на дороге. Если на пути к информации стоят барьеры, это верный признак запрятанного большого скандала, а большой скандал – это большая сенсация. Так что, когда она дозвонилась до Ангела, и тот сходу отказался встретиться, она ощутила знакомый трепет ноздрей – от этого дела пахло. К отказам же ей было не привыкать. Путь к истине много: среди них есть и обходные.

...Голос по телефону ей понравился. Сочный, густой баритон уверенного в себе мужика, который не стал ломаться, тянуть, набивая информации цену. Сказал ясно и доброжелательно:

– Приезжайте. Поговорим...

Теперь предстояло узнать цену доброжелательности. Рита на всякий случай подготовилась: натянула облегающие бедра брюки, такую же облегающую кофточку с глубоким вырезом и не пожалела духов. Две трети сотрудников редакции (разумеется, женщины) осуждали ее метод (потому, что сами так не могли). Мужики одобряли. Паше Громову было все равно: его волновал лишь результат. Но и у самого эффективного метода есть неприятные стороны. Судя по голосу, собеседнику было под пятьдесят, по крайней мере – не меньше сорока. Очередной пузатик с лысиной по всю голову

или прической «встречный ход». Такие даже трахнуть толком не умеют, лишь обслюнявят всю...

У длинного белого дома Рита плавно завершила на стоянку и выключила мотор. Немного посидела, настраиваясь на беседу. Слюнявый, не слюнявый, но надо было работать.

Мужчина, открывший дверь, был невысокий, плотный, но без живота – этакий гриб-боровик в период средней спелости. Навскидку ему было меньше сорока. И без лысины... Темные волнистые волосы были присыпаны кое-где солью седины. Лицо круглое, свежее и хитроватое; подбородок обрамляла аккуратно подстриженная бородка доцента провинциального вуза. Да и сам хозяин офиса очень походил на такого доцента: уверенного и вполне довольного собой.

– Прошу!

Он посторонился, пропуская ее вперед.

Рита пошла по длинному коридору, а хозяин заспешил следом, не умолкая ни на минуту.

– Поскольку вы впервые у нас, то, позвольте, я покажу все. Вы не представляете, какой притон был здесь раньше. Мусор грузовиками вывозили. Это у них называлось офисом! Зато посмотрите теперь!

Он протащил ее по всем комнатам (благо их оказалось немного), демонстрируя полы, стены и потолки (ремонт и в самом деле был хорош). В комнатах стояли столы, покрытые дубовым шпоном, на столах – компьютеры последней модели (об этом сразу же с гордостью сообщил хозяин), за сто-

лами сидели хорошо одетые люди, которые, завидев начальника с гостьей, доброжелательно заулыбались. Рита с тоской вспомнила свой обшарпанный кабинет в редакции и древний «комп» с семисвечником на корпусе монитора – подарок какого-то спонсора. У Паши Громова денег хватало только на зарплату сотрудникам и расходы по выпуску газеты; о ремонте и обновлении техники они и не мечтали. Диктофон и фотокамеру Рита покупала сама.

«Жируют! – подумала она, зайдя в небольшой, но богато обставленный кабинет. – Лижут задницу, вот им и отстегивают. Педерасты...»

Почему «педерасты», Рита объяснить не смогла бы, даже если б ее об этом спросили. Наверное, потому что она равно ненавидела как педиков, так и тех, кто лижет... Однако предстояло работать, и она приветливо заулыбалась. Хозяин кабинета помог ей снять шубку. Они сели друг напротив друга за столиком, приставленным к массивному письменному столу. Рита не начинала разговор, давая возможность себя оценить. Еще скинув шубку, она некоторое время стояла к хозяину кабинета спиной, якобы поправляя волосы, а на самом деле демонстрируя туго обтянутые брюками бедра. А сейчас навалилась грудью на столик, чтобы вырез спереди открылся как можно шире.

По быстрому взгляду, брошенному в глубину ее выреза, Рита поняла, что он все увидел и оценил. Однако масляный блеск (как бывало обычно) в его зеленых глазах не появился.

Но это дело времени. Не родился еще мужик, который устоял бы перед ней, Риткой Голуб!

– Когда я читала ваши статьи, то думала, что они подписаны псевдонимом, – начала она и протянула ласково: – Кузьма Телюк. (Как говорит Карнеги, самое приятное для человека – это его имя. Надо колотить «педераста».) Имя редкое, да и фамилия...

– Обыкновенная сельскохозяйственная фамилия, – показывая все свои тридцать два белых, засмеялся хозяин кабинета (Рита поняла, что не сработало: другой бы уже надулся от важности), – а вот имечко и вправду редкое. Бабушка любимая дала в честь своего отца. Я прадеда не видел никогда – родился после его смерти. Интересный, говорят, был человек...

– Знатного рода? – сделала еще одну попытку Рита.

– Ага! – весело отозвался Кузьма Телюк. – Крестьянин из глухой деревни глухого уезда. Я из крестьян, Маргарита, и все предки, как говорил Базаров, землю пахали. Это у вас королевское имя. И фамилия не хуже. Я, когда впервые на полосе увидел, тоже думал, что псевдоним – уж больно красиво для наших палестин.

– Папа Булгакова обожает, – вздохнула Рита, – поэтому и Маргарита.

Боровичок оказался непростым: первый заход отбил легко, и сейчас следовало думать, как зацепить его дальше. А он тем временем продолжал:

– Особенно не соответствует ваша подпись статьям. Они как будто рашпилем написаны.

– Рашпилем? – удивилась Рита. Сравнение было настолько неожиданным, что она даже не обиделась.

– Жесткие, – пояснил Кузьма Телюк. – Вы, так сказать, безжалостно сдираете со своих героев покровы.

От такого комплимента Рита порозовела и совсем потерялась, а Кузьма вдруг спокойно сказал своим сочным баритоном:

– Ну а теперь, когда мы обменялись любезностями, может, скажете, что на самом деле привело вас сюда. С меня сдирать вроде как нечего.

«Это тебе так кажется», – подумала Рита и опустила голову. С этим надо было начистоту.

– Меня интересует Ангел. Вся информация о нем, а еще лучше мне бы с ним встретиться. Я звонила ему, но он ответил, что все контакты с журналистами через вас.

– Да ну? – искренне удивился Кузьма Телюк. – До сих пор? Да я уже два года ничего о нем не пишу... Кстати, вам он зачем?

– Вы же помните свои интервью? Когда вы... то есть он все так точно предсказал. Что у нашей вице-премьерши будут крупные неприятности. А потом, когда ее арестовали, а затем она исчезла, и все думали, что ее убили, вы написали, что она просто сбежала и скоро объявится. Когда все так и вышло, мы все просто обалдели... Ну, и другие его предска-

зания...

– «Оппозиционную газету» интересуют маги?

«Не маги, а те, кто за ними стоит», – подумала Рита, но ничего не сказала.

– Ради Бога! – Кузьма снял трубку с красивого черного аппарата. «Алкатель», – заметила Рита и снова ругнулась про себя в адрес жирующих.

– Влад? – зазвучал его баритон. – Тебе Маргарита Голуб звонила?.. Да, сейчас у меня. Ну, это ты зря... Очень даже симпатичная, тебе понравится. Сам знаешь, если женщина просит...

«Скотина!» – мысленно выругалась Рита, а человек с сельскохозяйственной фамилией тем временем положил трубку.

– Нас ждут через полчаса. Вы ведь на машине?..

* * *

Дорогу Кузьма Телюк знал хорошо, а вот Рита в этих улочках и переулках быстро запуталась. Она пару раз повернула не туда... Наконец, спутник велел ей остановиться. Вышел из машины и попросил пересесть. Она и опомниться не успела, как он свернул в незнакомый проезд.

– Не волнуйтесь, – сказал Кузьма, – права у меня с собой, и дорогу я знаю, – и тут же спросил: – Вы давно за рулем?

– Два года. А что?

– Ведете немножко нервно. Дорога скользкая, вы моя го-

стья, и я отвечаю за вашу безопасность...

Как показалось Рите, Кузьма имел в виду совсем не то, что сказал, но промолчала. Телюк вел «альфу» уверенно, и ей стало спокойно и хорошо.

– А вы давно за рулем?

– Двадцать лет. Правда, сегодня приехал на трамвае.

«Поленился вчера вечером мокрый снег с кузова смести – вот двери и примерзли, – решила Рита. – А признаться, опытному, стыдно». Ей так понравилась эта мысль, что она едва не рассмеялась. Но, спохватившись, спросила:

– Какая у вас машина?

Телюк вздохнул:

– Ваша лучше.

«Врет!», – подумала Рита.

Они еще немного поплутали по проулкам и, наконец, вырвались на главную городскую магистраль. У красивого высотного здания Телюк вырулил на стоянку и заглушил мотор.

– Держите! – он протянул ей ключи. – Не забудьте запереть...

Все складывалось одно к одному: престижное здание на центральной магистрали, просторный офис (можно только предположить, какая здесь арендная плата!), современная мебель. Офис состоял из одной комнаты, поделенной надвое массивной перегородкой из красивых струганых досок. Что касается хозяина офиса, то он был копией Кузьмы, только увеличенной. Рост около двух метров, широкий костяк, за-

метно выпирающее брюшко... Лицо его, такое же круглое, как у Кузьмы, было голо. Вообще с растительностью были проблемы: лысый шар головы обрамляла позади и по бокам узкая и полностью седая щетинка волос. Несмотря на это, выглядел он весьма моложаво. Рита предположила, что Ангел если не ровесник Кузьмы, то, в крайнем случае, ненамного его старше. Одет Ангел был в черную мантию, наподобие судейской, только (это Рита сразу отметила) мантия была пошита из дорогого материала и очень хорошим портным: по крайней мере, ей никогда раньше не приходилось видеть столь изящной отделки на одежде такого рода.

– Ну вот, – весело сказал Кузьма, закрывая за собой дверь, – все и на месте. Это – Маргарита, а это – Ангел.

– Здравствуйте, леди, – сладко пропел Ангел и, шагнув навстречу, заключил ее руку в свои громадные ладони, – рад вас видеть.

– А уж как мы рады! – ответил за Риту Кузьма и по-хозяйски придвинул к столу два кожаных стула. – Присаживайтесь, Маргарита, разговор будет долгим.

Рита послушно села, а Кузьма, вопреки ее ожиданию, пристроился не рядом, а напротив, возле Ангела. Теперь их разделяла широкая черная столешница.

– Что будем пить? – вновь пропел Ангел, улыбаясь во всю ширь своего необъятного лица. – Кофе, чай, коньяк?

– Погоди! – одернул его Кузьма. – Маргарита впервые у нас и, наверное, думает, что два жулика сейчас будут заби-

вать ей баки. Проведем сеанс.

«Чтоб вам! – ругнулась про себя Маргарита. – Они что, мысли читают?»

– Не вопрос! – пожал плечами Ангел. – С чего начнем?

– Как обычно – со здоровья.

– Пожалуйста, – повернулся к Рите Ангел, – покажите нам свои ручки. Вот так! – он вытянул свои ладонями вверх, будто собираясь играть с ней в ладушки.

Рита повиновалась. Мужчины с минуту внимательно разглядывали ее ладони.

– Смотри – стренч! – вдруг радостно выпалил Ангел, но Кузьма хмуро на него покосился:

– Успокойся! Давай по делу!

– Почка опущена, – продолжил Ангел.

– Левая, – уточнил Кузьма, – а также недолеченный цистит. Рано бросила пить антибиотики.

– Гастрит, – вклинился Ангел.

– Скорее всего, и дуоденит тоже. Алкоголь, табак, неправильное питание... Не исправится – через пару лет язва.

– Гонорея, – подсказал Ангел.

– Это давно, да и залечена нормально.Abortов не было, хотя половая жизнь беспорядочная. Перенесла воспаление придатков. Сейчас все в норме, но при сохранении ситуации лет через пять возможна фиброма матки. В целом все совместимо с жизнью и на долгие годы. Если, конечно, не усугублять.

– Согласен! – подтвердил Ангел.

Рите казалось, что в комнате стало нестерпимо душно. То, что говорили эти двое, причем говорили о ней, будто отсутствующей, было не просто правдой, а правдой в квадрате: никому, даже отцу, она никогда не рассказывала то, о чем они так равнодушно ей поведали.

– О сердечных делах скажи сам, – предложил Кузьма, откидываясь на спинку стула, – это твое.

– Да что тут говорить? – пожал плечами Ангел. – Все ясно. У вас, леди, одна проблема, – он вперился ей в лицо своими черными глазами, – мужики от вас сбегают. Причем, очень быстро.

Краска залила Рите лицо, потом отхлынула, она опустила взгляд и вымолвила жалко:

– И в самом деле. Уж я так стараюсь...

Она едва не всхлипнула, но вовремя взяла себя в руки и подняла глаза. Ангел смотрел на нее пристально, и этот взгляд был совсем не таким, как некоторое время назад у Кузьмы. Такой знакомый ей масляный взгляд...

– Мне пора, – Кузьма поднялся со стула, – кофе с коньяком и без меня попьете.

– Ну что ты! Побудь...

В голосе Ангела была слышна фальшь.

– Оставайтесь! – попросила Рита неожиданно для себя самой. Ей стало не по себе от мысли остаться наедине с черноглазым Ангелом.

– Дела, – пожал плечами Кузьма и снял свою куртку с вешалки.

– Погодите!

Рита выскочила следом за ним в коридор. Кузьма нехотя остановился.

– Что такое «стренч»?

– Линия на руке. Плохая, но у вас ее нет.

– Честно?

– Чтоб мне стореть!

Он засмеялся и шагнул прочь.

– Вы... Как же вы обратно? – выпалила она, не зная, чем еще можно его остановить.

– Да здесь на трамвае пятнадцать минут.

– А как же мы? Полчаса... На машине.

– Просто мне захотелось посидеть за рулем «альфы», – улыбнулся Кузьма, – никогда раньше не доводилось. Хорошая машина. Мотор, наверное, в два литра?

– Да, – растерянно подтвердила она.

– Вот я и говорю: хорошая.

– Пойдите! – Рита схватила Кузьму за рукав, все еще надеясь его задержать. – Откуда такое имя – Ангел?

– Сначала это был псевдоним, а потом стало именем в паспорте. У нас никому ведь не возбраняется поменять имя, так? В Болгарии, к примеру, каждый третий – Ангел, а каждый второй – вообще Христос... Христо то есть. Он вам сам все расскажет – ему его имя нравится.

– А если не расскажет? – сделала она последнюю попытку.
– Тогда его – рашпилем!

Он заговорщицки подмигнул ей и, повернувшись, уверенно зашагал по коридору...

2

Статья называлась «Кто вы, Ангел смерти?». Подзаголовок выглядел не менее интригующе: «Психотронные игры наших спецслужб». Кузьма хмыкнул, взял карандаш и стал читать.

«Мало кому известно, что наши спецслужбы еще со времен СССР искали эффективные способы воздействия на широкие массы. По некоторым свидетельствам, еще в 20-е годы прошлого века при ВЧК под руководством знаменитого чекиста Глеба Бокия был создан Специальный отдел по изучению нетрадиционных методов управления человеком. Судя по результатам – полному отсутствию серьезного оппозиционного движения в голодающей стране («враги народа» появились позже и придуманы были чекистами), работа лаборатории была небезуспешной.

Исследования и их практическое воплощение продолжились и в последующие десятилетия. КГБ, пришедший на смену ВЧК и НКВД, не жалел сил и средств, и лучшие умы отечественной науки трудились на ниве оболванивания масс. Эффект был, но слишком прогнило все в стране большевиков, чтобы ситуацию можно было исправить одними психотронными играми. Союз развалился, и осколки работок «конторы глубокого бурения» были приватизированы службами и службочками, выросшими на этих развалинах,

как ядовитые грибы.

Сотрудники «Оппозиционной газеты» давно обратили внимание на странные публикации журналиста Кузьмы Телюка. Автор их постоянно встречался с каким-то таинственным человеком, прячущимся под псевдонимом «Ангел», и подробности своих бесед с ним аккуратно доносил до читателя. Этот Ангел, помимо описаний своих подвигов на ниве борьбы с нечистой силой, время от времени давал прогнозы развития политических событий в стране. Давать прогнозы у нас любят многие: от политиков до астрологов. Но прогнозы Ангела отличались от всех прочих – они сбывались с ужасающей точностью.

Все мы помним, к примеру, феерический карьерный взлет некогда скромной сотрудницы Центрального банка Татьяны Перваковой. На заре перестройки она возглавила крохотный коммерческий банк, чей офис размещался в одной комнате, где сидели три сотрудницы и сама председатель Первакова, но уже через год банк «Родина» занимал одно из лучших административных зданий в центре города. Злые языки поговаривали, что причиной тому была близость госпожи Перваковой к тогдашнему премьеру Иванову, равнодушному к женской красоте, а красотой природа мадам Первакову не обделила. Очень скоро вокруг банка «Родина» один за другим стали вспыхивать скандалы, выплескивавшиеся на страницы газет, в том числе и «Оппозиционной». Все предрекали скорое банкротство «Родины» и закат карьеры Первако-

вой. Кое-кто из обиженных акционеров банка даже полагал, что дни свои красавица-банкирша закончит в тюрьме.

Особенно усилились эти настроения после того, как Иванов потерял свой пост, а затем к власти в стране пришел новый президент. Новый глава государства стержнем своей предвыборной программы провозгласил борьбу с коррупцией и махинациями в экономике, и все ждали от него конкретных действий.

Однако, к удивлению многих, Первакова устояла. Банк «Родина» за контрольный пакет своих, уже ничего не стоящих, акций, переданных в собственность государства, получил просто немыслимые денежные вливания из казны и благополучно избежал банкротства. Татьяна Первакова оставила свой пост и стала... первым вице-премьером правительства. Государственная печать пестрела хвалебными публикациями в адрес нового экономического светила. Первакова раздавала интервью, и многие уже прочили ее на пост премьера.

В диссонанс этой шумихе вдруг грянуло интервью Кузмы Телюка с Ангелом. Тот, отвлекшись от обычных разглагольствований о своих подвигах в борьбе с ведьмами, снятием порчи и сглаза, вдруг стал вещать о предстоящих политических событиях. Предрек, что президент успешно решит вопрос с непокорным парламентом (что вскоре действительно произошло, и все мы помним, как), а также, что одна высокопоставленная руководительница страны вскоре потеряет свой пост и вообще претерпит много бед. Хотя имя не бы-

ло названо, все поняли, что речь идет о Перваковой. Многие сочли это предсказание плохой шуткой, но не прошло и полгода, как Первакова была внезапно арестована. Вскоре ее, правда, выпустили под подписку о невыезде и засадили под домашний арест – сработали старые связи. Однако дома Первакова находилась под неусыпным надзором спецслужб, о чем писала и «Оппозиционная газета». И вдруг она исчезает! Охранники не могут путно объяснить, как это произошло, и все единодушно решают, что Первакову убрали со сцены свои. Знала она слишком много, и могла, как заявила в своем последнем интервью нашей газете (мы единственные сумели его взять у охраняемой сиделицы), кое о чем скандальном поведать в суде.

Тут же явилось новое интервью Телюка с Ангелом. Тот утверждал, что подследственная прячется в нашей стране, с ней все хорошо, и скоро мы узнаем подробности. На публикацию жутко обиделся главный следователь страны, заявив в своем ответном интервью, что Первакова давно за границей, а сам Ангел – мифическое существо, выдумка журналиста. Однако главный следователь недолго упивался своим ответом турецкому султану. Очень скоро Первакова, объявившаяся в одном из европейских государств, рассказала по телефону «Оппозиционной газете» подробности своего исчезновения. Опуская красочное описание попытки ее убийства на дому спецслужбами (видимо, отдыхая под домашним арестом, мадам хорошо проштудировала Маринину), отметим

одно: Первакова полностью подтвердила тот факт, что некоторое время скрывалась в родной стране. И только много позже выехала за границу.

Как после всего этого «Оппозиционной газете» было не встретиться с таинственным Ангелом? Сделать это было совсем не просто. Однако нам оказалось по силам то, что недоступно другим.

Выяснилось, что таинственный Ангел отнюдь не мифическая фигура. Скорее... даже очень заметная. Мужик почти двух метров роста, неплохо упитанный. Не красавец, но прямо-таки брызжет обаянием. Не старый: где-то посередине между четвертым и пятым десятком.

Пора представить его читателю. Нашего героя зовут Ангел Александрович Романов. Но это не родные его имя, фамилия и отчество. Когда-то человека звали Владислав Иванович Плотницков. Фамилию, а затем и отчество он позаимствовал у своей бывшей жены Веры. Ему понравилась древняя боярская и царская фамилия, да и новое отчество звучало лучше, чем простоватое «Иванович». Только имя он выбрал сам. Как пояснил нам, «ангел» с греческого – «посланник», и он-де послан Господом нести добро людям.

Как же он нес это добро? Проследить биографию Плотницкова до дней юности нам не удалось. Но со слов его бывшей жены Веры, Плотницков творил добро весьма своеобразно. Служил во флоте, затем работал фотографом на свадьбах, занимался бизнесом. С бизнесом у него не вышло:

дважды крупно погорел. Причем, в бедах своих винит Первакову, которая, якобы, обманула и обобрала его. Высшего образования Ангел не получил: выгнали из университета за аморальное поведение – соблазнил однокурсницу и не захотел жениться, когда та забеременела. Регулярно избивал жену и ребенка. Одно время пил до потери пульса, и вдруг этот ничем не примечательный ранее человек становится известнейшим магом и целителем, в некотором роде даже провидцем. Как так?

Мы пытались это выяснить в беседе с Романовым. Но он только связно пересказал содержание публикаций Телюка об Ангеле. Правда, себя, любимого, при этом нахваливал нещадно. Не только как специалиста по потусторонним силам, но и как мужчину прекрасного во всех отношениях. Кончилось все тем, что Романов предложил корреспондентке «Оппозиционной газеты» вступить в интимные отношения прямо в его офисе. На столе, в кресле, на полу – по ее выбору. Корреспондентке едва удалось убежать.

Пришлось собирать факты на стороне и анализировать уже имеющиеся. И вот что вышло.

Первое. В разговоре с корреспондентом газеты Романов заявил, что может не только спасти человека от порчи, но сам отправить любого на тот свет. Когда же мы поинтересовались, не боится ли он в связи с этим милиции, Романов хвастливо заметил:

– А что они мне могут предъявить? Магию? Да над ними

все смеяться будут! Кроме того, у меня полно друзей в спецслужбах...

Когда корреспондентка поинтересовалась, откуда у него столько друзей в органах, Романов смутился и пробормотал, что у сотрудников спецслужб тоже есть проблемы в личной жизни, с которыми они к нему обращаются. Уточнить категорически отказался.

Второе. Едва усадив корреспондентку газеты за стол, Романов, стараясь произвести эффект, сходу назвал все болезни, которыми она переболела в недавнем прошлом, назвал и некоторые биографические подробности. Поначалу это впечатлило, но потом корреспондентка вспомнила, что все эти сведения в полном объеме содержатся в ее медицинской карточке, а о встрече с Ангелом она договаривалась заранее. А кто у нас имеет доступ к тайнам медицинских карт?

Третье. Офис Ангела располагается в престижном административном здании на главном проспекте столицы. Получить там прописку без благословения высоких властей невозможно – проверяли. Тем более, какому-то магу. Но Романов его получил!

И четвертое. Все интервью с Ангелом опубликованы в самой тиражной и (заметим) государственной газете «День страны». Таким образом, обеспечивался максимальный охват территории. Автором всех публикациях об Ангеле является один и тот же человек – Кузьма Телюк. Недавно этот бесспорно талантливый, но не проявивший себя ра-

нее как организатор, журналист вдруг стал главным редактором некогда захудалого, а теперь вдруг резко разбогатевшего «Экономического журнала», среди учредителей которого значится наше правительство. В считанные месяцы журнал стал более толстым, полноцветным (любой полиграфист подтвердит вам, что цветная печать и мелованная бумага – это очень и очень дорого). Журнал стал намного интереснее, но при наличии денег это не трудно. Мы побывали в офисе редакции. Крутой евроремонт, дорогая мебель, самые современные компьютеры... По всему видно, что денег здесь не считают. Это за какие заслуги такое счастье Телюку? Не за то ли, что в течение ряда лет верой и правдой служил своим хозяевам – «искусствооведам в штатском»?

Вывод: Романов никакой не маг, а обыкновенный мошенник и прохвост, работающий под легендой спецслужб. Вспомним обо всех необычных происшествиях с нашими оппозиционными политиками в последние годы. Кто-то таинственно исчез, кто-то попал в тяжелую автокатастрофу, кого-то привлекли к несправедливому суду. Почти о каждом накануне было пророчество Ангела. Таким образом спецслужбы готовили общественное мнение. С человеком произошло страшное – так это маг на него порчу наслал! А какой спрос с мага? Зачем искать истинных виновников?

Еще гениальнее с прогнозом политических событий. Обществу заранее подбрасывается информация о желательном для спецслужб повороте ситуации. Многие уже привыкли к

невероятно точным прогнозам Ангела. (Как же им не быть точными, если их готовят лучшие специалисты спецслужб?) И вот общество, получив установку, невольно начинает отрабатывать заданный сценарий. Это вам подтвердит любой психолог. Отсюда и желанный результат.

Хочется спросить: доколе нас с вами будут дурить? Почему мы позволяем кучке уродов манипулировать нами?

Маргарита Голуб»

– Зараза! – Кузьма шваркнул карандаш о стол и откинулся в кресле. Сердито зашевелил губами, произнося про себя какие-то слова. Затем вздохнул и придвинул газету. Пробежав снова глазами по тексту, задумчиво почесал затылок. Хуже всего, что это была неожиданная неприятность. Журналистка приезжала к нему уже три месяца как; он думать про нее забыл.

«Сам виноват, – подумал он, – кто тебя просил резвиться и тащить ее к Ангелу. Пошутил... Нет, но все-таки, какая зараза!»

Он потянулся к телефону, но аппарат опередил его: в наушнике загудел возмущенный злой бас. Кузьма достал из кармана курительную трубку, набил ее табаком и несколько минут задумчиво пускал синие кольца, выжидая, когда на другом конце провода выговорятся. Но голос не унимался, и Кузьма, потеряв терпение, спросил сурово:

– Будешь дальше орать или дашь сказать и мне?

В наушнике стихло.

– Вот и хорошо, – заключил Кузьма, – теперь давай по пунктам. Я привел ее к тебе, потому что ты сам сказал, что нуждаешься в рекламе: бизнес чахнет. Я уже о твоих подвигах писать не могу: статус не тот. И я тебе не мамочка, чтобы всю жизнь грудью кормить. Это раз. Второе: кто тебя тянул за язык рассказывать о своих дружках в органах? Я давал тебе такой совет? Ах, ты хотел впечатлить девушку! Да ты ей подарок сделал! Она пришла к тебе с уже готовым мнением, а ты ей только знаки препинания помог расставить. Откуда у Ангела, посланника Божия, могут быть контакты со спецслужбами? Пошевели своими куриными мозгами!

Теперь третье. Тебе сколько лет, а? У тебя какая по счету жена? А ей двадцать два. Ты когда станешь думать головой, а не членом? Зачем к журналистке лез? Если уж хотелось, то сначала возьми, а потом рассказывай! А после того, как ты все выложил, ей какая радость? Или до сих пор думаешь, что ты Аллен Делон? Подойди к зеркалу и посмотри! Только брюхо не забудь втянуть, а то из штанов вываливается!

И последнее. Американцы говорят: плохое паблисити – тоже паблисити. Ты хотел рекламы – ты ее получил. Гарантирую приток клиентов. Многие придут из любопытства, но тут уж твое дело дать им понять, кто прав. Ясно?

Голос в наушнике зазвучал гораздо тише, и Кузьма некоторое время слушал. Затем прервал:

– Звонить ей не надо! Даже затем, чтобы сказать, что она б... И что курва... Она и без тебя знает. У тебя есть ее до-

машинный и сотовый? Продиктуй! Я сам позвоню...

Кузьма взял из пластмассовой коробочки квадратный листок, быстро набросал цифры и, не прощаясь, кинул трубку на аппарат. Какое-то время задумчиво смотрел на бумажку, затем резко скомкал ее и чуть было не выбросил в урну, но передумал – расправил и сунул в карман.

«Хорошо, что Маша с Викой уехали, – подумал, вздыхая, – этот бы и их достал. Вот уж счастье на мою голову...»

Он взял уже почти погасшую трубку и опять закурил...

* * *

Телефон зазвонил, когда до конца рабочего дня оставалось меньше часа. Его рабочего дня – сотрудники давно ушли. Кузьма не любил, когда ему в это время мешали. Но телефон не умолкал, и он со вздохом снял трубку.

– Алло! Кузьма Иванович? Это вы?

Мужской со странной хрипотцой голос был ему незнаком, и Кузьма некоторое время помедлил, а потом нехотя подтвердил:

– Да, я.

– Слава Богу! Застал. Кузьма Иванович, я хотел бы с вами поговорить.

– Говорите! – предложил Кузьма, уже жалея, что снял трубку.

– Этого по телефону не скажешь, – возразил голос, – надо

встретиться.

– Вообще-то я занят... – начал было Кузьма.

– Поверьте, это очень важно. И для меня, и для вас.

– Вам, наверное, нужен Ангел? – Кузьма все еще надеялся уклониться. – Его здесь нет, а я журналист и практикой не занимаюсь. Сейчас продиктую его телефон...

– Я был у Ангела, – сказал голос. – Мне нужно встретиться с вами. Я на машине и буду быстро. Поверьте, вы не пожалеете. Только скажите, как доехать.

– Записывайте, – вздохнул Кузьма.

Он положил трубку и придвинул рукопись, но работа не пошла. Ничего хорошего от предстоящей встречи Кузьма не ждал. К нему часто приходили люди, отягощенные ворохом неразрешимых проблем. Обычно он переадресовывал их Ангелу, но порой случалось, что неудовлетворенные работой Ангела люди возвращались к нему. Это было неприятно вдвойне. Одна половина таких посетителей нуждалась в помощи психиатра, а другая предъявляла Кузьме, как автору публикаций об Ангеле, рекламации. С последними было сложнее всего: они скандалили, а как-то даже набросились с кулаками.

Поэтому, когда в дверь офиса позвонили, Кузьма весь подобрался, готовясь к худшему, но, едва взглянув на гостя, успокоился. Даже в сгустившемся полумраке было видно, что человек, стоявший у порога, болен. И болен тяжело. Землистого цвета лицо, обмякшая фигура... Кузьма посторо-

нился, пропуская гостя внутрь, и закрыл за ним дверь.

Войдя в кабинет, незнакомец тяжело опустился на стул и устало оперся плечами на его спинку. Он был молод, лет тридцати пяти, но болезнь добавила ему возраста: жесткий «ежик» волос густо побила седина, а по строгим правильным чертам лица словно прошлись точильным бруском, заострив их.

– Что, хорош? – вдруг спросил гость, слегка раздвинув в улыбке тонкие серые губы. – Диагноз поставите?

– Если хотите, – пожал плечами Кузьма. Он решил не церемониться: – Рак, третья или четвертая стадия. Скорее всего, началось с мозга, потом метастазы, судя по хрипотце, пошли в гортань. Ну, и лимфатические узлы поражены, наверное...

– Точно! – подтвердил гость. – Еще печень и поджелудочная.

– Если вы пришли за помощью, то вынужден вас разочаровать: тут я бессилен, – сказал Кузьма. – Я вообще не знаю кого-либо, кто смог бы помочь.

– А вот Ангел ваш брался, – хрипло хохотнул гость, – сказал, что за десять тысяч поставит меня на ноги. Клоун! Зачем вы вообще его на свет божий вытащили? Уж лучше бы сами...

Кузьма промолчал.

– Ладно, извините, – продолжил гость, – я, собственно, не за этим... Простите, но разговор будет долгим. Очень уж

всего...

Зовут меня Александр, полностью: Александр Сергеевич Ломтев. Вам, вижу, это ничего не говорит, но семь лет назад обо мне писали все газеты. Вот! – гость расстегнул принесенную с собой маленькую сумочку, которую, войдя в кабинет, водрузил на стол, достал и выложил ворох газетных вырезок. – Помните ограбление инкассаторского фургона осенью 1996 года?

– Припоминаю... – оживился Кузьма. – Я тогда в газете «День страны» работал. Преступник – один из инкассаторов – одного напарника убил, второго тяжело ранил, а сам скрылся. Пропало что-то около полутора миллиона долларов.

– Миллион шестьсот девяносто две тысячи в пересчете на доллары, – уточнил Ломтев, – если верить газетам. Проверить самому не было времени.

– Так это?..

– Я, – подтвердил гость. – Все не удалось тогда унести: баул тяжеленный. Взял одну сумку, а там шестьдесят две тысячи. Фунтов стерлингов. Намучился я потом с ними...

– Но газеты писали, что у вас был сообщник, который ждал в машине. Поэтому милиции и не удалось задержать...

– Идти на такое дело с сообщником – это провалить все, – наставительно сказал Ломтев, отодвигая в сторону вырезки. – Не было никого. Я и один еле ноги унес – повезло.

– Как?

– Вот! – Ломтев вытащил из лотка стоявшего на столе принтера листок бумаги, достал из кармана ручку и стал набрасывать схему. – Здесь я свернул на фургоне в лес: колесо прострелили... Затем вернулся назад, перешел шоссе и по тропинке вышел к каким-то дачам. Оттуда автобусом до станции... Несколько месяцев скрывался, потом за хорошие деньги сделал загранпаспорт, еще красненький, советский, и уехал в дальние страны. А деньги... Они там. Если хотите, можете отыскать. Вот схема, – он придвинул листок Кузьме. – Место сами отыщете, за такое – можно и постараться.

– Не жалко?

– Не жалко, – подтвердил Ломтев, – мне уже не понадобятся. Да и не деньги это – мне куда больше давали...

– Зачем вы ко мне пришли? Рассказали все? – удивился Кузьма. – Зачем вообще сюда приехали? Не боитесь? Ведь ищут...

– Бояться мне уже нечего, – отозвался Ломтев, ничуть не удивившись лавине вопросов, – искали меня первые пару месяцев, вот тогда и было опасно. А сейчас, если только вдруг задержат случайно, пальцы откатают да по учетам пробыют... Одна примета особая была, но и той больше нет, – гость указал пальцем ниже левого глаза, и Кузьма заметил там еле заметный крохотный шрамик. – Я в милиции до инкассации служил, все это знаю. Постараюсь пока не попадаться. По крайней мере, живой, – Ломтев едва заметно улыбнулся. – Сюда приехал по делу. Как вы думаете, сколько

мне еще осталось?

Он пристально глянул на собеседника, и Кузьма решил не врать.

– Неделя, может, две.

Гость молча кивнул.

– Бойтесь? – не удержался Кузьма.

– Отбоялся, – хрипло отозвался гость, – ожидание смерти страшнее ее самой. Я это теперь точно знаю. Эти сны...

– Я вообще поражаюсь, как вы на ногах держитесь, – сочувственно сказал Кузьма, – другие в таком состоянии уже не встают.

– Сейчас покажу, как.

Ломтев стащил с себя куртку, затем поочередно закатал рукава джемпера. Кожа у локтевых сгибов была сплошь в синяках от уколов.

– Держусь на этом... Столько лет дурь возил, а сам ни разу не пробовал. Теперь вот пришлось. И еще вот! – он достал из сумочки плоскую темную бутылку. – Виски. Раньше я считал, что лучше нашей водки нету. Ерунда! Хорошее виски – это и вкус, и кайф, и лекарство. Хотите? Понемногу?

– Давайте.

Кузьма достал из офисного шкафа два темно-зеленых бокала.

– Что это? – воскликнул Ломтев. Изменившись в лице, он устался на бокалы.

– Интересные, да? Еще с советских времен. Дизайн, види-

мо, слизали с какого-то старинного образца. Смотрите: ножка широкая и плавно переходит в чашу. Мне нравится. И графин оригинальный – вон он, в шкафу. Мне на день рождения подарили, а жена не любит цветную посуду. Принес сюда. Было шесть бокалов, один недавно разбили...

– Действительно, похож на старинный, – подтвердил гость. – И чаша в половинку апельсина...

– Меньше.

– Это сейчас апельсины крупные, в древности они были мельче. Говорите: было шесть, а теперь пять? – почему-то уточнил Ломтев.

– Ну да!

– Не зря я к вам пришел, – непонятно сказал гость, и Кузьма мог поклясться, что голос его повеселел, – тем более стоит выпить!

Он плеснул в бокалы из темной бутылки, и они молча выпили. Кузьма не жаловал виски, но вкус этого был не сравним с теми, что он пробовал раньше: мягкий, с пикантным ароматом дыма и чего-то еще... Чуть позже он ощутил, как по всему телу разлилось тепло, а в голове приятно потяжелело.

– А? Что я говорил?! – довольно сказал Ломтев и поставил свой бокал на стол. – Ну вот, теперь можно рассказывать.

За границу я перебрался не сразу. Пока лежал на своем дне... А... что скрывать... У женщины одной три месяца жил, из дому не выходя. Любила она меня. Я ей наврал, что

на фургон по пути бандиты напали, я сбежал, а теперь боюсь, что на меня все свалят. Она поверила... Это она все настригла, – Ломтев пошевелил вырезки на столе. – Я обещал потом вызвать ее к себе – обманул... – он помолчал. – Вчера у нее был, денег дал, забрал вырезки – хранила она, хотя и замужем давно... Так вот, в газетах я не только про себя прочитал. Узнал, что в некоторых странах Карибского моря можно за пятьдесят тысяч долларов легально стать гражданином и ездить потом свободно по всему миру. Когда у меня паспорт появился, зашел в одну турфирму в Москве, и они подтвердили. Оставшихся денег хватило, чтобы пятьдесят тысяч долларов положить на счет в банке, а на жизнь почти ничего...

Но наши люди нигде не пропадают. Особенно те, кто работы не боятся. И не только работы... Пять лет я дурь возил по разным странам. Платили хорошо, но и стреляли в нас... Кого не застрелили, за решетку закрыли... Но мне везло... Накопил денег, думал купить дом под пальмами на берегу моря и жить спокойно. Об этом мечтал, и когда в фургоне стрелял... Уже и купил почти... Но тут эти появились. Сам не знаю, как меня нашли, они из Европы, а не из Америки. Наверное, слава помогла – в определенных кругах меня хорошо знали. И то, что я больше дурью не занимаюсь. Так они бы не пришли, побоялись хозяев... Дело пообещали нетрудное, а деньги... Этот миллион семьсот, о котором я никогда не забывал, мелочь по сравнению... Люди серьезные: «ли-

мон» авансом наличными сразу выдали и расписки не попросили.

Потом я узнал, что этот ледник охранялся, и до меня четверо на него ходили. Ни один живым не вернулся. Кто бы мог подумать: центр Европы, ледник в горах и такое... Но я, как чувствовал, взял с собой двоих. Они прикрыли. Но и остались там. Ящик мы легко нашли, ну а дальше...

Когда я оттуда, потрепанный, ушел, любопытство заело. Думал: а из-за чего это мочилово? Драгоценности, наверное, там какие – чего гробят всех? Эти-то мне объясняли: реликвия, древняя очень, им для ордена очень нужна, но я не поверил. Открыл – и вправду. Таблички какие-то каменные и эта... Хотел сразу же отдать, как договаривались, но... Не смог. Позже вы поймете, почему. Стал теперь ото всех бегать. Они бы меня вовек не нашли, но тут болезнь... Это я потом прочитал, что когда эта реликвия у человека несправедного, то через год его настигнет смерть. Какой я праведный? Вот и сбылось...

Поэтому решил домой вернуться. Умирать лучше на родной земле. Ну, и дело сделать одно. Хрен им всем теперь будет, а не реликвия! Оботрутса и пойдут! Нету...

Ломтев замолчал и плеснул себе в бокал из бутылки. Налил и Кузьме. Молча выпили. Кузьма поставил бокал на стол и поднялся.

– Вы куда?

– Жалюзи прикрыть. У нас же первый этаж, низкий... к

тому же, ходит кто-то за окном. Мальчишки, наверное. Они любят подсматривать.

– Это не мальчишки, – заметил Ломтев, обернувшись к окну. – Это здоровые пацаны. Но тоже любопытные.

– Вот и все, что я хотел вам рассказать, – сказал гость после того, как Кузьма вернулся к столу, – а потому я вас побеспокоил, Кузьма Иванович, что искал человека... Который... ну, может выслушать и понять. Вот и нашел. Спасибо!

– Пожалуйста! – отозвался Кузьма и бросил выразительный взгляд на часы.

– Пора! – согласился Ломтев и встал. Накинул на плечи куртку. – Кузьма Иванович, не в службу, а в дружбу: принесите воды! Что-то плохо мне...

Когда Кузьма, сердито бормоча про себя: «Тоже мне – друга нашел!», вернулся в кабинет с полным бокалом (минералка закончилась, пришлось набирать из-под крана), Ломтев уже стоял, застегнутый на все пуговицы. Принесенную воду он едва пригубил и поставил бокал на стол.

– Оставляю это здесь, – показал на вырезки, листок со схемой и недопитую бутылку, – мне это больше не понадобится, а вы, быть может, статейку сделаете.

– Куда вы теперь? – не удержался Кузьма.

– Думаю, что недалеко, – ответил Ломтев и взял со стола сумочку, – проводите?

За порогом он вдруг схватил Кузьму за руку.

– Жалею, что не успел обсудить, но я думаю, что Пьер-

Роже де Марпуа вам понравится больше остальных. Мужик! Знаете, у этой реликвии есть еще одно свойство. Избранным она дает быструю и легкую смерть. Пришло время проверить. Прощайте!

И с этими странными словами он шагнул в темноту...

Выйдя из офиса, Ломтев побрел к стоянке, где его ждало такси. Уже стемнело, но вдоль улицы горели фонари, и поэтому водитель заметил его издали. Вспыхнули фары автомобиля. Ломтев, ослепленный их светом, почти наощупь открыл заднюю дверь, опустился на заднее сиденье. И вдруг перед его глазами возник подрагивающий черный кружок. За ним тянулся ствол, который перетекал в руку в кожаной перчатке, принадлежащую человеку, сидевшему на месте водителя. Но это был не прежний водитель Ломтева – средних лет грузный мужик, а молодой рыжий громила. Свет уличного фонаря падал в лобовое стекло, поэтому лица его не было видно.

Из-за спинки соседнего переднего сиденья появился второй чужак – щуплый и темноволосый. Он молча пересел к Ломтеву и ткнул ему в бок пистолет. Громила повернулся к рулю, и машина тронулась.

За ближайшим светофором автомобиль свернул на узкую разбитую дорогу, и вдоль боковых стекол поплыли старые деревянные дома и покосившиеся заборы. Свет в окнах домов не горел – по всему было видно, что в них никто не живет. Видимо, этот квартал ждал снос.

Автомобиль остановился в конце улицы, водитель зажег в салоне свет и повернулся к пленнику. Ломтев увидел квад-

ратное, словно вырубленное топором лицо. Глаза были светлыми, почти без ресниц. Громила вновь вновь приставил пистолет к лицу Ломтева. Темноволосый взял с колен пленника сумочку и вывернул содержимое на сиденье. Осмотр вывалившихся вещей не устроил его: он смел их на пол и полез в боковой карман пленника.

Ломтев резко сунул правую руку за обшлаг куртки. Рыжий отреагировал мгновенно: в салоне сверкнуло и щелкнуло, и пленник мягко уткнулся лбом в спинку переднего сиденья.

– Scheiße!¹

Темноволосый схватил упавшего за плечи и откинул на спинку сиденья. На лице пленника вместо глаза чернела дыра, из которой уже показался и начал медленно стекать по щеке тонкий красный ручеек.

– Scheiße! – повторил темноволосый. Он быстро и профессионально обыскал труп и повернулся к рыжему.

– Nichts gibt es. Und der Waffen auch. Er hat uns geleitet.²

Рыжий виновато пожал плечами.

– Man muß zurückkehren. Wir werden ihn hier lassen. Und das Auto.³

Рыжий выключил в салоне свет и заглушил двигатель. Темноволосый тем временем затолкал тело убитого между

---

¹ Дерьмо! (нем.)

² Ничего нет. И оружия тоже. Он нас провел (нем.)

³ Надо возвращаться. Оставим его здесь. И машину (нем.)

подушками передних и задних сидений. Когда они вышли из машины, рыжий закрыл ее и зашвырнул связку ключей далеко за забор. Оба подняли воротники курток и быстро зашагали по скользкой разбитой дороге...

* * *

После ухода странного гостя Кузьма собрался не сразу. Сначала он помыл и поставил в шкаф бокалы, затем собрал разбросанные по столу вырезки, сунул их в сложенный пополам листок со схемой. Получившийся пакет Кузьма бросил в ящик стола. На глаза ему попала бутылка с виски, он взвесил ее в руке и сунул в несгораемый шкаф.

Пора было уходить. Но идти домой не хотелось. И дело было не только в том, что его ждали пустая квартира и одинокий ужин. (Домашние уехали три дня назад, и он впервые за последние шестнадцать лет остался дома один). После встречи со странным гостем Кузьму переполняли непонятные чувства, и он никак не мог в них разобраться. Кузьму не удивила откровенность гостя: люди, приходившие к нему, случалось, рассказывали и не такое... Но то, что он услышал, никак не укладывалось в привычные рамки. Кузьма не знал, как быть дальше. Сообщить об этом куда нужно, как следует законопослушному гражданину? А зачем? Убийцу уже наказал Бог, и вряд ли человеческий суд будет справедливее. Да и не доживет виновный до суда. Тогда что? Принять все

к сведению и забыть?

Так и не определившись, Кузьма стал собираться.

Перед уходом он прошел по всем комнатам редакции, проверяя, правильно ли заперты окна и двери. Все было нормально. Выйдя на улицу и тщательно закрыв за собой стальную дверь, Кузьма бросил связку с ключами в портфель-дипломат (ключей от дверей редакции было так много, что он носил их в отдельной связке) и достал мобильный телефон. Оглянувшись по сторонам (охранный код не предназначался для чужих ушей), Кузьма набрал номер.

– Волга пятьсот двадцать один. Сдаю на пульт.

В трубке несколько секунд помолчали, затем усталый женский голос произнес:

– Все в порядке. Сорок вторая...

«Хорошо, что сорок вторая», – подумал Кузьма, идя к остановке. В этом была какая-то мистика, но когда на центральном пульте редакцию брала под охрану семнадцатая или тридцать седьмая, ложные срабатывания системы случались с удручающим постоянством. У сорок второй было надежнее.

...Трамвай Кузьма заметил издали и припустил к остановке. Едва он вскочил в вагон, двери закрылись. В окно Кузьма увидел двоих мужчин, бегущих следом, но водитель не стал их ждать. Трамвай медленно проплыл мимо бедолаг, и Кузьма хорошо рассмотрел их. Один был высокий, плечистый, с квадратным лицом и рыжий. Второй – пониже и по-

жиже, с невыразительным лицом и темноволосый.

Через четыре остановки Кузьма перескочил в троллейбус и, качаясь на ухабах вместе с набившейся внутрь толпой (не один он сидел допоздна на работе), благополучно приехал в свой микрорайон. От конечной остановки до его, последнего на этой улице, дома было метров триста, и он прошагал их, закрываясь воротником от резкого ледяного ветра, от которого мгновенно стыло лицо. Стояла вторая половина марта, но в город на несколько дней вернулась зима. Мело, снег слепил глаза, так что к своему подъезду Кузьма добрался почти наощупь.

Не доходя до крыльца, Кузьма стал расстегивать куртку, вспоминая, в каком из карманов лежат ключи от подъезда и квартиры, и поэтому не сразу среагировал на возникшую сбоку тень. Тихий голос негромко скомандовал: «Рауш!», потом в воздухе что-то прошелестело, и в тот же момент в голове Кузьмы словно что взорвалось...

Очнулся он от причитаний. Визгливый и странно знакомый женский голос завывал сверху. Кузьма с трудом разлепил тяжелые веки. Сначала он различил над собой тень, потом тень стала приобретать контуры, и он скорее угадал, чем узнал соседку по площадке. Кузьма повернулся всем телом, напрягся и с трудом сел.

Соседка запричитала еще громче. Кузьма, постепенно приходя в себя, огляделся. Он сидел в снегу у своего подъезда в расстегнутой одежде и без шапки. Вокруг валялись

какие-то вещи.

– Батюшки! – завывала соседка. – Убили человека совсем, искалечили...

«Никого не убили», – хотел сказать Кузьма, но вслух произнес:

– Рауш...

– Ай, заговаривается!.. – закричала соседка.

«Почему «рауш»? – подумал Кузьма. – Это, кажется, по-немецки. Откуда тут немцы? И зачем им бить меня по голове?»

Он оперся на руки и с усилием встал. Соседка тут же подскочила и стала торопливо смахивать с него снег.

– Я в окно все видела, – зачастила она, – как чувствовала: дай, думаю, гляну, как там на улице. Смотрю: идет Кузьма Иванович, от ветра закрывается. А за ним – двое. Вдруг один, здоровенный такой, блондин, подскакивает и как даст дубинкой!.. Вы и покатились. А они давай в сумке и одежде шарить. Тут я не выдержала, открыла форточку да как закричу! Потом в милицию позвонила, а сама накинула пальто – и сюда. Те убежали, а ведь и убить могли...

– Спасибо, Людмила Ивановна...

Кузьма сказал это от всего сердца. Соседка по площадке была дамой непутевой и скандальной, мужики у нее долго не задерживались. Но это не мешало Людмиле Ивановне быть человеком добрым. И бесстрашным: своих сожителей, кое-кто из которых до смерти пугал жильцов дома блатными

повадками и разрисованным телом, она выставляла за дверь без посторонней помощи.

Кузьма пощупал голову. Слева от темени горячо пульсировала растущая шишка, голова ныла, но терпеть было можно. Он огляделся и стал собирать разбросанные вещи. Людмила Ивановна бросилась помогать.

Патрульная машина приехала быстро. Три милиционера в бронежилетах и с автоматами, узнав у Людмилы Ивановны приметы грабителей, укатили ловить их, а Кузьма со следователем, усталым старшим лейтенантом, поднялись в квартиру составлять протокол. Соседка увязалась за ними. Следователь со страшной фамилией Пыткин на самом деле оказался вежливым молодым человеком и, сев за кухонный стол, стал быстро записывать то, что говорили Кузьма и Людмила Ивановна.

– Что пропало? – спросил он Кузьму. – Вы все проверили?

– Только связка с ключами, – удивленно ответил Кузьма, – это ключи от офиса, у нас есть запасные. Даже бумажник цел. И мобильник...

– Значит, материального ущерба нет, – заключил старший лейтенант, – видимо, не успели. Вы их спугнули! – повернулся он к Людмиле Ивановне. – Не то... Наркоманы совсем обнаглели: три случая на этой неделе. Высматривают вечером одиноких прохожих, догоняют и бьют сзади, чтобы лиц их не запомнили, железным прутом или трубой. Люди потом месяцами в больницах лежат. Вам еще повезло. Да и били

не трубой, – следователь взял лежавшую на столе меховую ушанку Кузьмы и еще раз внимательно рассмотрел ее. – Если бы труба или прут – мех бы в клочья! А здесь целый. Значит, и вправду дубинка. Тогда это другая банда, – вздохнул следователь. Было видно, что он искренне огорчен этим обстоятельством. – Ладно, подписывайте!

Прощаясь, он участливо заглянул Кузьме в глаза и спросил:

– Водка в доме есть?

– Сейчас! – засуетился Кузьма.

– Вы неправильно меня поняли, – остановил его следователь, – мне еще ночь работать. А вот вам для снятия стресса полстакана... Можно и целый.

Кузьма искренне поблагодарил.

Выпроводив следователя, он не замедлил воспользоваться дружеским советом. Не забыл и соседку. Та после угощения затеяла было беседу, но Кузьма решительно выпроводил ее. Спустя полчаса он уже спал с мокрым полотенцем, обернутым вокруг головы, прямо на диване, на который прилег «на минутку»...

* * *

Зал был маленький и низкий, потолок из почерневших от времени, грубо оструганных досок мрачно нависал над таким же черным полом. Свет двух факелов, вдетых в кова-

ные железные кольца на каменных стенах, едва рассеивал царившую внутри тьму. Факелы трещали и коптели, время от времени шумно вспыхивая и выбрасывая клубы дыма. Тогда запах горелого масла становился гуще и плотнее заполнял пространство зала. Было сыро и холодно, и только ветер, завывавший снаружи, свидетельствовал о том, что в мире есть места и более неудобные, чем это.

У каменной стены, как раз между двумя факелами, за столом из тяжелых досок на простых деревянных скамьях сидели двое. Один, в черной рясе из грубой толстой материи, подпоясанной веревкой, был стар и худ. Его бледное продолговатое лицо с острым длинным носом и тяжелым квадратным подбородком бесстрастно выглядывало из черного капюшона. Старик сидел, прикрыв глаза, и блеклые губы его чуть заметно шевелились, будто он читал молитву. Человек, сидевший напротив него, тоже был не молод. Лицо его, круглое, с крупным шишковатым носом и маленькими живыми глазами, однако, не было похоже на лицо отшельника. На щеках играли красные пятна от подступивших изнутри сосудов. Одет круглолицый был в расшитую золотом короткую куртку тонкого сукна – «пурпуэн» и узкие штаны из цветного сукна. Короткие остроносые сапоги из дорогой мягкой кожи – «ботт» – туго обтягивали ноги пожилого щеголя, а плечи его укрывал плащ из алого бархата. На голове такая же бархатная шапочка с козырьком была украшена изящной золотой звездой-пентаграммой.

Круглолицый, который, в отличие от неподвижного старика, нетерпеливо ерзал на скамье, вдруг всплеснул руками в тонких перчатках и сказал раздраженно:

– Ну, где его носит?! Второй раз послали! Вообще, как я заметил, в последнее время Роже перестал уважать не только меня, своего сюзерена, но и вас, Совершенный.

– Вы несправедливы, Рамон, – тихо откликнулся старик, открыв глаза и с укором глядя на недовольного. – Только благодаря вашему зятю мы сидим за этим столом, а сотни наших единоверцев в замке спокойно отходят ко сну. Пьер-Роже отличный воин, и лучшего коменданта крепости нам не найти. Семь месяцев крестоносцы стоят у подножия Монсегюра. Столько обороняться в стране Ок не удавалось никому.

– Это потому, что их армии сюда подняться труднее, чем штурмовать город на равнине. Вот они и расселись по окрестным лесам, где жрут мясо и хлеб и мечтают вернуться к своим женам. Да, Роже – хороший воин, но таких в замке немало. Даже хорошим воинам следует уважать старших.

– А истинно верующим не пристало судить ближних, – сурово сказал старик.

– Я покаюсь в этом на очередной публичной исповеди! – махнул рукой Рамон.

В этот момент дверь на кожаных петлях тихо скрипнула, и внутрь, громко стуча тяжелыми сапогами по каменному полу, вошел высокий, плечистый человек. Он был в кольчу-

ге и нагруднике, старинный шлем с узкими прорезями крестом – для глаз и носа – скрывал его лицо. Подойдя к столу, он снял шлем и поставил его на скамью. Под шлемом прятались коротко остриженные светлые волосы и красивое молодое лицо, которое заметно портили глубокие морщины на лбу и широкий косой шрам, сбегавший от левого уха к подбородку. У вошедшего были большие голубые глаза под длинными светлыми ресницами, изящный рот с обветренными тонкими губами; подбородок закрывала мягкая волнистая борода. Несмотря на явные следы усталости на лице, чувствовалось, что вошедший настроен решительно.

Он почтительно поклонился старику в рясе, затем, едва наклонив голову, круглолицему.

– Простите, Совершенный, простите, сеньор Рамон. После того, как гости прибыли в замок, я решил проверить, не увязался ли за ними еще кто... Уж очень легко они прошли. Мы прочесали всю вершину и развалины барбакана...

– Крестьяне носят нам еду почти каждую ночь, и еще не было случая, чтобы за ними кто-то увязался! – сердито буркнул Рамон. – Проводники наши из Добрых Людей, поэтому не было смысла в такую темень шататься по горе!

– А кто провел басков к выступу на южном склоне?! – возразил Пьер-Роже. – Эту тропинку знали только наши, а теперь там стоит камнемет Дюрана, этого епископа из Альби, который в камнеметах разбирается куда лучше, чем в Писании...

– Его камни почти не долетают до замка, – отмахнулся Рамон, – а если какой и долетает, то просто падает у стены...

– Это так, – согласился Пьер-Роже и, вздохнув, присел на скамью, – но если им удастся пробиться к вершине и установить камнемет там... На выступе они убили Гильома Кларе, который первым заметил в мае войско карателей, и его брата Гиро. Это были мои лучшие воины, они сражались не за деньги. Кто-то же провел басков к уступу? Ночью, тихо... Мы сидим в осаде восьмой месяц, и многим нашим сторонникам это надоело. Сейчас хорошее время для предательства...

– Успокойтесь, брат! – старик положил худую узкую ладонь на холодный стальной наплечник коменданта. – Я хотел бы услышать от вас не жалобы. Скажите, мы устоим до Пасхи?

– Пока я могу обещать, что устоим до Рождества. Потому что Рождество завтра. Как вы знаете, в замке пять сотен человек, четверть из них – женщины, треть – старики, а мужчины могут носить камни и копья на стены, но не умеют их метать. Когда началась осада, у меня была сотня рыцарей и кнехтов, теперь нет и половины. Мы пережили два приступа... Из оставшихся воинов большая часть – наемники, те же баски и арагонцы. Мы хорошо им платим, но они католики...

– Большинство этого сброда не верят ни в Бога, ни в дьявола! – хмыкнул Рамон.

– Да. Но когда это станет выгодно, они вспомнят, что кре-

щены как католики.

– Зато в войске у Юга дез Арси полно сочувствующих нам, – возразил Рамон. – Они пропускают сюда крестьян, и у нас есть еда.

– Сухие овощи и мука.

– Но это лучше, чем кожа сапог! И воды в наших цистернах хватает! – запальчиво возразил Рамон. – А в армии Юга болезни и ропот. Мы можем держаться еще очень долго!

Пьер-Роже ответил не сразу. Некоторое время молча водил по темной доске стола затянутым в кольчужную броню пальцем, затем вздохнул:

– Юг из кожи лезет, отрабатывая дарованное ему Людовиком место сенешаля Каркассона, но войско его – из местных и не рвется в сечу. Но вы забываете, что там еще епископы Амьель, Дюран и инквизитор Ферье. Эти псы Господни просто так отсюда не уйдут. Особенно Ферье.

– Он достойный последователь Гийома Арно, упорный в преследовании еретиков, – тихо сказал старик, и присутствующие поняли, что он читает по памяти строки из письма, найденного у погибшего при штурме замка крестоносца, – своим железным посохом, словно палицей, он разит еретиков и их подпевал, имя его звучит в их ушах, словно свист меча...

– Гийом Арно уже больше двух лет горит в их аду вместе со своими палачами! – жестко сказал Пьер-Роже, и глаза его вспыхнули. – И Ферье давно пора туда же. Я бы мог, Совер-

шенный, если вы разрешите, с небольшим отрядом ночью пройти сквозь караулы Юга, раз уж они открыты для нас, и обратиться к палаткам Господних псов. А там...

– Никак не можешь забыть резню в Авиньоне? – съязвил Рамон. – Когда ты и твои сержанты порубили топорами одиннадцать безоружных инквизиторов? Но здесь не сочувствующий нам город, а вражеское войско. Безоружных крестьян караулы Юга пропускают, но боевой отряд... Никто из них не захочет болтаться в петле. В лучшем случае, вы пройдете первую линию, а потом вас подымут на копья.

– И пусть! – грохнул по столу железным кулаком рыцарь. – Это будет славная смерть! И я счастлив, что небо позволило мне уничтожить тех псов. Вы забыли, что они сделали с нашим краем? Кто вырезал двадцать тысяч жителей Безье, всех до единого? Там Добрых Людей было – один на сотню. Но этот пес, Арно-Амори, Папский легат, сказал: «Убивайте их всех! Господь признает своих!» Семь тысяч сторело только в соборе – их соборе! В Бrame всем жителям отрезали носы, губы, выкололи глаза, оставив один глаз старику, чтобы он мог привести искалеченных к нам, и чтобы мы ужаснулись и покорились. В Лаворе они вырезали всех сдавшихся защитников, а командовавшую ими вдову Жиральду сначала отдали солдатам на потеху, а затем швырнули в колодец и забрасывали камнями, пока она не перестала кричать. А ведь она всю жизнь творила только добро! И это рыцари, воюющие во славу Господню? Что мы им сделали? Молились не

так и не слушали их косноязычных монахов, обожравшихся десятиной?

– Слепцы, немые псы, продажные души, торгующие справедливостью, отпускающие грехи богатому и проклинающие бедняка, – вновь глухо стал читать старик, и Пьер-Роже с Рамоном притихли, в который раз слушая горькие строки из послания католического Папы, проклинающего своих служителей, – они не соблюдают церковных законов, накапливают сокровища, доверяют звание священника людям недостойным, имеют кошелек вместо сердца и вызывают насмешки мирян...

Старик умолк и твердо глянул в глаза молодого рыцаря:

– Я не разрешаю тебе, Пьер-Роже де Белисенн де Марпуа, идти в лагерь Юга дез Орси. Ты погибнешь со своими людьми, не добившись цели, и оставишь Добрых Людей в замке беззащитными. Но даже если вам и удастся убить Господних псов, Папа пришлет других. И эти заставят страну Ок захлебнуться в собственной крови. Они пришли в наш край сорок лет назад, воспользовавшись убийством Папского легата Кастельно, хотя до сих пор никто не знает, кто его убил. Им нужен был *casus belli*, повод к войне, и они его нашли. Они враги и жаждут нашей смерти, но мы не должны давать им нового повода. Мы не победим, убивая. Их слишком много. Верой своей и духом мы сильнее их, и только в этом наша победа.

– Как скажете, Совершенный, – рыцарь склонил голову.

– Называй меня Бертраном, – тихо сказал старик. – В этом замке больше нет Совершенных, Верующих и Сочувствующих. Все, кто претерпели за веру в Монсегюре, совершенны перед Богом. А теперь давайте пригласим гостя. Он заждался...

Человек, представший спустя несколько мгновений перед тремя вождями Монсегюра, был маленького роста и весь будто слеплен из шаров разной величины. На двух больших шарах туловища был пристроен сверху маленький кочан головы, который беспрестанно колыхался взад-вперед. Подкатившись к столу, человек преклонил колени и, встав, поднял голову. На его круглом, как лепешка, лице сияла подобострастная улыбка.

– Меня зовут Эскот де Бэлькэр, – заторопился он, поймав взглядом разрешающий жест Бертрана. – Мой сюзерен, благородный Раймон д'Аниор, прислал меня, чтобы сказать, что ваше беспримерное сопротивление папистам зажгло мужеством сердца людей нашего края, и они склоняют головы перед вашей храбростью и силой духа.

– Поблагодари Раймона за добрые слова, – радостно отозвался Рамон. – Как здоровье моего шурина и его детей?

– Все, слава Богу, здоровы, и желают того же вам! – склонил голову гость.

– Быстро же оправился от бед ваш сюзерен! – Пьер-Роже смотрел на пришельца в упор. – Насколько я помню, его осудили за катарскую ересь к пожизненному заключению и

конфискации земель. А потом вдруг выпустили из заточения и все земли вернули. Ведь так? И чего это он, раскаявшийся грешник, вдруг вспомнил о Добрых Людях?

– Ты не вежлив, зять! – Рамон стукнул ладонью по столу. – Тысячи Добрых Людей прошли через инквизиторские застенки, и не вина тех, кто не смог претерпеть страданий, особенно мук близких... Мой шурин – достойный человек! Ты не имеешь права его осуждать!

– Я только спросил! – рыцарь скрестил руки на груди, и ироничная улыбка коснулась его обветренных губ.

– Мой сюзерен сердцем остался с Добрыми Людьями, – поклонился Эскот. – Душа его болит за невольное отступничество, поэтому он и прислал меня помочь.

– Чем это? – спросил рыцарь.

– Сюзерен недавно тайно встречался с графом Тулузским, и тот клятвенно заверил его, что не позднее Пасхи придет к Монсегюру и снимет осаду.

– Хвала Богу! – воскликнул Рамон.

Пьер-Роже с сомнением покачал головой:

– Тулузский любит раздавать обещания. Его отец двадцать лет метался от папы к Добрым Людьям и обратно, но хоть был мужчиной и воином. А сыном командует теща, Бланка Кастильская, мать «доброго» Людовика, который восьмой месяц мучит нас голодом и забрасывает камнями. Она сказала: «Гидре надо отрезать голову!», – имея в виду Добрых Людей, и слово держит твердо. Может быть, граф и

пообещал, но мы будем последними дураками, если согласимся поверить его словам. Тебе не стоило приходить сюда с этой новостью, вассал д'Аниора.

– Как ты смеешь так говорить при своем сюзерене и тете! – Рамон в негодовании вскочил со скамьи, лицо его запылало ярче факела. – Раймон Тулузский – достойный правитель своей земли, и мы не имеем права судить его. Он доказал верность своему народу, всячески ограничивая ретивость инквизиторов!

– Ограничили их мои сержанты в Авиньоне. Ровно на длину головы. А Раймон после этого писал покаянные письма Папе, обещая найти и покарать убийц, – Пьер-Роже тоже встал, и сразу стало видно, насколько он выше и сильнее тества. – Да, я непочтителен. И я останусь таким по отношению к предателям и трусам. Вы – мой сюзерен и владелец Монсегюра и вправе найти себе другого коменданта...

– Сядьте!

Голос старика был тих и спокоен, но его услышали и подчинились.

– Что еще велел передать нам твой сюзерен?

– Он предлагает обмануть врага и переправить ему Сокровище Добрых Людей, которое они защищают в Монсегюре и которое так жаждет заполучить папа. Я бы мог уже следующей ночью пройти через посты, где будут стоять преданные нам люди, и через два дня и две ночи быть у сюзерена. В знак чистоты своих намерений он велел оставить в крепо-

сти заложника, который пришел со мной. Это его любимый вассал Тараскон д'Але, который попал в плен к неверным и которого д'Аниор выкупил за большие деньги.

– Это все?

– Да, Совершенный! – Эскот склонился в поклоне.

– Иди и жди.

После ухода гостя в зале некоторое время стояла тишина.

– Рамон? – первым нарушил молчание Бертран.

– Я думаю, шурина можно верить, – произнес владелец замка. – Я знаю его как достойного человека и рыцаря. Он поступает по правилам: прислал с гонцом заложника и предлагает помощь. Пока войска Юга стоят вокруг, Сокровище в опасности.

– А ты что думаешь, Роже?

– Я думаю, что Ферье намного хитрее, чем мы думаем. Восьмой месяц они топчутся здесь, и в каждую ночь Сокровище может уплыть из Монсегюра сквозь их дырявые посты. Он хоть и уверен, что мы просто так не расстанемся с ним и до последней минуты будем защищать его, но все же... А так все просто... Шурин Рамона предлагает помощь, присылает заложника, бедного рыцаря, который навек обязан сюзерену уже тем, что его выкупили из неволи... И не надо приступов и лишних жертв...

– Да как ты смеешь!

– Тихо, Рамон! – старик поднял руку. – Хватит того, что вы двое бранились перед чужаком, как торговки на рынке.

Вы – Верующие, и, может быть, скоро мне предстоит дать вам solament, последнее утешение. Ты уже все сказал, Рамон, и я хочу, чтобы Роже продолжил.

– Я думаю, нам надо принять предложение Эскота.

Бертран удивленно взглянул на рыцаря.

– Если д’Аниор действительно хочет нам помочь, то пусть так и будет. А если Ферье жаждет нас провести, то пусть думает, что мы проглотили его приманку. Мы отправим Эскота, но не одного. С ним будут люди из моего фьефа – те, что остались со мной, хотя де Леви сулил им деньги и земли, а здесь их ждали страдания и смерть. Их верность несомненна. Сокровище останется здесь, а вот ту часть казны Добрых Людей, которая еще в замке, они унесут. О ней знают все, в том числе и наемники, а это опасно. Я хотел бы, Бертран, чтобы с ними пошел ваш дьякон Матеус. Он распорядительный человек и, думаю, сумеет нанять для нас новых воинов и привести их сюда. А Эскоту не обязательно знать, что в сумах моих людей. Пусть думает, что это Сокровище. Так отряд будет целее. Они побоятся напасть, чтобы не повредить Сокровище. Проще получить его из рук д’Аниора. Да и тот, наверняка, жаждет сам передать его взамен за высокие должности и новые земли. Эскот будет стараться. А мы попросим Матеуса: если все будет хорошо, на горе Бидорта, что напротив Монсегиора, пусть вспыхнет ночью костер.

– Ты не только храбр, но и мудр, – старик встал и возложил руку на голову рыцаря. – Распорядись!

– Абей!

Из темного угла беззвучно вышел и поклонился коренастый воин в темной одежде.

– Ты привел сюда, на совет, своего человека! – Рамон едва не задохнулся от ярости.

– Не беспокойтесь, сюзерен, он никому ничего не расскажет.

– Ты уверен?

– Абей, покажи!

Воин подошел к столу и широко открыл рот. Даже в колыхающемся свете факелов стало видно, что во рту его вместо языка – короткий обрубок.

– Когда он был еще мальчиком, через их деревню проезжал отряд крестоносцев. Он стал дразнить их. Кнехты поймали его и хотели повесить. Но в отряде был монах, который решил явить «милосердие» к невинному отроку. Он сказал, что виселица – слишком легкое наказание для юного еретика. А вот если отрезать ему поганый язык, которым он возносил хулу на слуг божьих, даже его потомки запомнят, как мать-церковь карает своих врагов...

– Он может написать, – недовольно, но уже тише сказал Рамон. – И в любом случае не следует водить кнехта на собрание рыцарей.

– Он неграмотен, – возразил Пьер-Роже. – Но зато хорошо владеет копьем и арбалетом – я учил его этому сам. Он надежный человек: рыцарей с крестами на плащах любит так,

что многие уже умерли от такой сильной любви. Поэтому в последнее время он всегда за моей спиной. Это избавляет меня от необходимости постоянно оглядываться.

Рамон пожал плечами и пошел к двери. Следом, широко ступая длинными, как у журавля, ногами, отправился Бертран. Пьер-Роже встал со скамьи и положил закованную в кольчугу тяжелую руку на плечо воина:

– Ты все понял, Абей?

4

Звук был далекий и противный: электронный синтезатор монотонно генерировал один сигнал за другим, равнодушно посылая их в темноту спящей квартиры. Кузьма перевернулся на другой бок, сонно пробормотав:

– Очумели, что ли... Ночь...

Телефон не умолкал. Кузьма заголохотал с дивана. «Вдруг это Вика или Маша?» – подумал он и, запнувшись о ковер и врезавшись в полуоткрытую дверь, вылетел в прихожую и схватил трубку.

– Алло? – услышал он мужской голос. – Кузьма Иванович?

– Я.

– Лейтенант Поджарый из подразделения «Охрана». В вашем офисе срывать, нужно приехать.

«Вот тебе и сорок вторая!» – сердито подумал Кузьма, но вслух, не теряя надежды отлынить от канительной поездки, сказал: – Там же Марья Васильевна рядом живет. Звоните ей!

– Уже позвонили, – не отстал Поджарый, – и вызвали. Необходимо ваше присутствие. Собирайтесь. Машина уже вышла.

«Зачем там мое присутствие? Что, Марья Васильевна двери не откроет!» – возмутился про себя Кузьма, тем временем Поджарый уже положил трубку, так что отлынить не удалось.

Кузьма глянул на часы – начало пятого. Ругнувшись, он потащился одеваться.

Машина не заставила себя ждать. Едва Кузьма вышел из подъезда, сине-белая милицейская «девятка» с незажженным маячком на крыше лихо свернула во двор. Кузьма сел рядом с водителем. Когда «девятка» уже неслась по пустынному ночному шоссе, он заметил, что позади есть еще кто-то. Кузьма оглянулся. Милиционер в бронежилете поверх камуфляжа, в каске и с коротким автоматом в руках хмуро встретил его взгляд.

«Как под конвоем! – сонно подумал Кузьма и тут же забыл об этом. На него вдруг нахлынуло увиденное и пережитое этой ночью. – Господи! – поразился он. – Это с чего: Монсегюр, страна Ок, Пьер-Роже, Рамон, Бертран? Это же крестовый поход против альбигойцев, юг Франции, тринадцатый век! Какого рожна?»

Он прикрыл глаза: суровое лицо рыцаря, отдающего приказ, безъязыкий рот Абея вновь возникли перед ним. Кузьма испуганно отогнал видение. «Это Ломтев! – решил он, припоминая вечерний разговор со странным гостем. – Притащился со своими историями на ночь глядя, а потом еще и Пьера-Роже вспомнил. Как знал, кому говорить! Легло на старые дрожжи...»

Найдя причину, Кузьма успокоился. Вскоре «девятка» свернула на знакомую стоянку, и первое, что увидел Кузьма, выйдя из машины, – распахнутые настежь двери офиса и

двух милиционеров в бронезиловках и с автоматами, куривших на крыльце. Рядом с «девяткой», что привезла его, стояла еще одна сине-белая машина с маячком, и, осознавая, что это не привычный вызов на ложное срабатывание охранной системы, Кузьма зашпешил внутрь.

Вид кабинета поразил его еще больше, чем распахнутые двери офиса и вооруженная охрана на крыльце. Пол был усыпан бумагами, вывернутыми из книжного шкафа и ящичков письменного стола. За столом, на его, Кузьмы, законном месте, в кресле на колесиках, сидел плотный лейтенант с широким непреклонным лицом. «Поджарый!» – понял Кузьма, хотя на поджарого лейтенанта никак похож не был.

– Кузьма Иванович? – строго спросил лейтенант, хотя и так было видно, что приехал не Дед Мороз.

– Так точно! – доложил Кузьма, плюхаясь на свободный стул. – Ну, что тут у вас?

– Не у нас, а у вас, – уточнил лейтенант и пояснил: – Проникновение в офис неизвестных преступников и попытка хищения.

– Вы же в течение пяти минут должны при сработке приехать. Почему не задержали?

Лейтенант не ожидал такого напора и смешался.

– Мы и приехали в течение пяти минут. Но те успели скрыться. Между прочим, – сказал он торжественно, – двери офиса были открыты ключами, вот этими! – он отъехал на колесиках, и Кузьма увидел распахнутую дверцу несгора-

емого шкафа; в замочной скважине ее торчал ключ, ниже на кольце болталась вся связка. – Это чьи ключи?

– Мои, – признался Кузьма.

– А как они оказались здесь?

– У меня их украли.

Поджарый хотел что-то спросить, но Кузьма опередил:

– Вот! – он сдернул с головы шапку. – Шишка! Пощупайте! Вчера вечером меня у собственного подъезда стукнули по голове дубинкой и ограбили. Есть свидетель, составлен протокол. Преступников не нашли, хотя приехали по горячим следам. У них тоже, видно, норматив в пять минут. Раньше никак не получается! Звоните в первое отделение следователю Пыткину. Он дежурит сегодня. Давайте!

Пока лейтенант звонил, Кузьма раздраженно достал из кармана трубку, набил ее табаком и закурил. На душе было погано. Оглядевшись, он прикинул, что на уборку этого развала уйдет много времени, и в который раз за сегодняшнее утро мысленно выругался.

– Извините, Кузьма Иванович! – Поджарый поднялся с кресла. – Нам нужно проверить, не пропало ли что. У вас есть опись имущества?

– Была.

Кузьма осмотрелся. Синяя коленкоровая папка валялась в куче бумаг у шкафа. Он поднял ее, раскрыл – это было то, что нужно.

– Идемте!..

После того, как милиция уехала, он долго прибирал в кабинете, собирая и сортируя бумаги, а после раскладывая их по местам. К счастью, грабители похозяйничали только здесь: в другие комнаты они или не захотели, или, что более вероятно, просто не успели заглянуть. Поджарый уехал довольный: из имущества редакции ничего не пропало, и, следовательно, объединению «Охрана» не грозило возмещение ущерба. С тем, что ему не удастся разоблачить пособника воров, лейтенант смирился сразу же после разговора с Пыткиным.

Прибрав все, Кузьма сел в свое кресло и достал из несгораемого шкафа оставшееся виски. Плеснув в зеленый бокал, он с наслаждением выпил и закурил, пуская сизые кольца к потолку. Какое-то смутное чувство тревожило его, и, налив себе виски еще раз, он понял: несмотря на то, что в кабинете вроде бы все осталось на месте, чего-то не хватало. Кузьма поочередно проверил ящики стола. В одном из них газетные вырезки, принесенные Ломтевым, были рассыпаны в беспорядке.

«Они взяли план, – понял он. – Зачем? Деньги? Ну, конечно! Он задолжал, а они кредиторы... Все ясно. Сказали бы мне сразу, отдал бы эту бумажку: пусть ищут... А то дубинкой по голове, затем в офис залезли... Не надо было все-таки его сюда пускать. И человечешка мерзкий, и проблем после него...»

Кузьма глянул на часы. Полшестого. Ехать домой смысла

не было. Он бросил погасшую трубку в пепельницу, снял пиджак и, оставшись в тонком свитере, стал сдвигать стулья у стола в линию. До начала работы редакции оставалась еще пара часов, а ему неудержимо хотелось спать...

* * *

Двое кнехтов в кожаных панцирях и медных конических шлемах натужно катили круглое каменное ядро по площадке, останавливаясь на выбоинах и наваливаясь на груз всем телом. Наконец, они завалили ядро в длинный желоб под толстой балкой камнемета, как раз под огромным ящиком противовеса, натянули на камень сетку из толстой, подшитой кожей веревки. Командир метательной машины, щуплый и рыжебородый араговец в таком же шлеме и панцире, вопросительно посмотрел на стоящих неподалеку людей. Один из них высокий, худой, с палицей на поясе, другой – низкий, коренастый, опирающийся на железный посох; судя по рясам, они были монахами. Третий был рыцарем – тоже коренастый, в кольчуге и латах. Поднятое забрало шлема открывало немолодое лицо с глубокими морщинами на выдубленной ветрами коже и густую проседь бороды.

– Уйдемте, святой отец! – сказал рыцарь монаху с посохом, с опаской поглядывая в сторону замка. – Нельзя стоять так долго на виду у еретиков. Я думаю, они давно нас заметили и могут решиться на святотатство.

– Успокойтесь, де Леви! – отмахнулся монах, не переменив позы. – Отсюда до стен достаточно далеко, чтобы нас не достала стрела арбалета. А камнемет у еретиков никуда не годится: у них нет такого славного мастера, как наш Дюран.

Высокий монах с палицей приосанился и кашлянул:

– У них даже не «требюше». Какой-нибудь «перрье», собранный из подручного материала. Еретики понятия не имеют, как нужно крепить пращу к балке, какой там нужен зубец и как отрегулировать длину пращи. Кроме того, они засовывают в пращу не отесанные ядра, а обычные камни. Поэтому камень у них летит куда угодно, только не в цель. И бросают они не более десяти раз в день. Мой «требюше» за это время метает не менее тридцати шести стофунтовых ядер.

– Они могут выстрелить из лука, – не унимался рыцарь.

– Если бы могли, то давно бы выстрелили! – раздраженно сказал монах, которому, как было видно, надоели причитания де Леви. – Это же не англичане, которые уже нашпиговали бы нас стрелами, как повар петуха салом. Я хочу посмотреть, как кара Божия обрушивается на головы еретиков! Давай! – повернулся он к арагонцу.

Тот подал знак, и кнехт ударом большого деревянного молотка выбил стопор. Длинная балка камнемета, увлекаемая тяжелым противовесом, описала в воздухе плавную дугу. Каменное ядро, с грохотом протянутое пращей по желобу, взмыло вверх и, сорвавшись в верхней точке с веревочной чаши, полетело в сторону замка и с силой ударило в зу-

бец на стене донжона. Зубец зашатался и рухнул. До стоявших у камнемета донеслись вопли и крики.

– Рука Господня неотразимо разит еретиков! – возопил монах, потрясая посохом. – Ни высокие горы, ни толстые стены не укроют нечестивцев от гнева Бога! Рази их, Дюран!

Высокий с палицей на поясе подал знак, и кнехты в медных шлемах побежали к горке каменных ядер.

– Вы мудро поступили, святой отец, доверившись баскам из соседней деревни, – подобострастно сказал рыцарь, склоняясь к монаху. – Я никогда бы не поверил, что можно ночью преодолеть отвесную стену в пятьсот футов. И хорошо, что мои воины пошли на это дело ночью. Назавтра они с ужасом рассказывали, что при солнце никогда бы не решились на такое. Еретики были так уверены в неприступности горы, что даже не поставили охрану у развалин барбакана. Теперь, когда у нас здесь «требюше» Дюрана, им недолго осталось противостоять войску легата.

– Если бы ваши рыцари и кнехты сражались с таким упорством, как еретики, мы бы взяли Монсегюр еще летом! – возразил монах. – И нам бы не пришлось отсыпать столько золота этим разбойникам-баскам. Но вы правы: теперь еретикам конец. Им не устоять.

Он обернулся к монаху с палицей:

– Командуйте, Дюран!

– Сейчас! – оживленно ответил тот, возясь у камнемета. – Мы изменили длину зубца: ядро полетит за стены. Мы заго-

товили десять дюжин ядер и за неделю засыплем ими Монсегюр.

– Вы полагаете, этого хватит, чтобы они сдались? – спросил коренастый монах.

– Если будем бросать так, хватит и половины. Не хотел бы я сейчас быть в замке. Смотрите!

Дюран махнул рукой, и камнемет вновь заскрипел, раскручивая балку. В этот раз камень угодил внутрь замка: до наблюдателей донеслись грохот рушащегося строения и крики осажденных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.